

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

**Сборник статей
по материалам конференции**

1469983

ВОЛОГДА
2015

10. Маркова Е. И. Творчество Н. Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. – Петрозаводск, 1997.

11. Мекш Э. Б. Образ Великой Матери (религиозно-мифологические традиции в эпическом творчестве Николая Клюева). – Даугавпилс, 1995.

12. Пашко О. «Индия» в творчестве Н. А. Клюева (К определению границ мифоэтического пространства) // Ритуально-мифологічний підхід до інтерпретації тексту. Збірник наукових праць. – Київ, 1998.

13. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: В 4 ч. – М., 1861. – Ч. 1.

14. Поэтический словарь Николая Клюева. Выпуск 1: Частотные словоуказатели / сост. Богданова М. В., Виноградова С. Б., Головкина С. Х., Смольников С. Н., Яцкевич Л. Г. – Вологда, 2007. – 256 с.

15. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995.

16. Смольников С.Н., Яцкевич Л.Г. На золотом пороге немеркнущих времен: Поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева. – Вологда, 2006.

17. Смольников С. Н. Концептуализация фольклорного антропонима Садко в поэтическом языке Н. А. Клюева // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сб. науч. трудов. Вып. 6. – Москва, Архангельск, 2013. – С. 335-343.

18. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 32. Под ред. академика О. Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева. – М., 2005.

19. Юхименко Е.М. Народные основы творчества Н.А. Клюева // Николай Клюев: Исследования и материалы. – М., 1997. – С. 5-16.

20. Яцкевич Л. Г. Фольклорная лексика в поэзии Клюева // Яцкевич Л. Г., Головкина С. Х., Виноградова С. Б. Поэтическое слово Николая Клюева. – Вологда, 2005. – С. 118-132.

21. Яцкевич Л. Г. Фольклоризмы в поэзии Н. А. Клюева // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа. – Петрозаводск, 2015.

*С.Х. Головкина
Вологда*

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВ-НАЗВАНИЙ ДЕРЕВЬЕВ В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА *

Поэтические образы деревьев – один из центров мифопоэтической картины мира Николая Клюева. Художественная реальность Клюевского бытия отражает связь человека, природы (в первую очередь растительного и животного мира) и цивилизации. Индивидуально-авторское восприятие природы отражает значимые для поэта традиции осмысления ведущих мотивов и образов: фольклорную, мифопоэтическую, христианскую.

Не случайно образная семантика номинаций деревьев (особенно хвойных) привлекает внимание исследователей творчества Н. А. Клюева

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ГРНФ, проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности».

(Е. И. Маркова, В. П. Ершов, В. И. Николаев, В. Г. Солоненко, Е. Шокальский). Описывая лесную стихию лирики Н. Клюева, Е. Шокальский сосредоточивает внимание на народно-христианских традициях создания образов хвойных деревьев. Сакрализация образов сосны, ели, кедра, пихты, по мнению ученого, обусловлена развитием в поэтических текстах мотивов святости, смерти, «скорби Распятия и радости Воскресения» [7, с. 119]. Исследователь указывает на многоярусность, антропоморфизм, молитвенность образов хвойных деревьев. Не менее интересны наблюдения В. П. Ершова над лексемами *ель* и *сосна*, участвующими в поэтическом воплощении темы смерти, проходящей через все творчество Н. Клюева. Ценны замечания ученого об участии слов *ель* и *сосна* в «поэтической самохарактеристике Клюева» [1, с. 141]. Отметим, что самовосприятие поэта, идентификация своего творчества в не меньшей степени связаны и с образами лиственных деревьев: «*И пал ли Клюев бородатый, Как дуб, перунами сраженный, С дулом, где сирия огневейный, Клад стережет – бериллы, яхонт?...*» [12, с. 266]; «*Я твой любовь! Под пятьдесят, Торжественный дубовый сад Иль паруса под свежей тучей – Вдыхает борода могуче!*» [12, с. 269]; «*Я – древо, а сердце – дуло, Где Сирина-птицы зимовье, Поет он – и сени светло, Умолкнет – заплачется кровью*» [10, с. 323]; «*Я не сталь, а хвойный изумруд, Из березовой коры сосуд, Налитый густой мужской кровью...*» [11, с. 148]. Обращает на себя внимание тройственная связь *поэт* (творец, творчество, поэзия, слово) – *древо, дерево* (дуб, кедр, кипарис...) – *Сирия* (в славянской народной традиции, сладкоголосая птица, имеющая двойственную природу). Такую парадигматическую связь нередко можно наблюдать в произведениях Клюева.

Названия лиственных деревьев, зафиксированные в поэзии Клюева, оказываются за рамками научного осмысления. Возможно, это связано со сложностью охвата всей лексики «лиственного леса» (деревья и кустарники): многообразием слов, большим количеством номинаций (в сравнении с хвойными) и при этом довольно высокой частотой их употребления в поэтических текстах Н. Клюева.

Позволим себе не согласиться с мнением Е. Шокальского о том, что «лиственные леса для поэта – скорее нечто сказочно-литературное» и что «отдельные лиственные деревья у него появляются не так уж часто» [7, с. 125]. Оба положения, выдвинутые ученым, представляется неопределенным, отражают самые общие (ничем не конкретизированные) наблюдения. Данные «Поэтического словаря Н. Клюева» [5] свидетельствуют о довольно высокой средней частоте слов, называющих лиственные деревья. Приведем наиболее употребительные лексемы (без учета имен прилагательных, от них образованных): *береза* – 28, *березка* – 32, *березонька* – 7, *верба* – 27, *дуб* – 15, *ива* – 22, *калина* – 10, *липа* – 15, *осина* – 14, *ракета* – 39, *рябина* – 11, *черемуха* – 21, *яблоня* – 15. Конечно, есть и единичные случаи употребления слов (например, *вяз* – 3, *граб* – 4, *слива* – 4, *черешня* – 2), однако количественный признак не обязательно определяет роль слова или образа в целостной поэтической системе.

Образы лиственных деревьев в поэзии Клюева формируются под воздействием прежде всего славянской народной традиции. В мифологической культуре славян «дерево, куст – один из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий его пространственный и временной образы... Значима связь дерева с человеком (его телом, категориями жизнедеятельности, судьбой и т. д.)» [6, т.2, с. 60]. В поэзии Н. Клюева нередко можно наблюдать отождествление человека (частей его тела, признаков, свойств, действий) с деревом или его частями: *«Дуб – ухо, и сосна – другое, Одно – листья, сосед же хвои»* [11, с. 159]; *«Стать бы гроздью на рябине... Медом липовым в кувшине Я созвучия коплю»* [11, с. 153]; *«Дерево-сплох – кудрявый Федот Даст им смолу и сжигающий мед!»* [10, с. 462]; *«Чтобы сны стожарые В явь оборотить Думы – листья зарные По ветру пустить»* [10, с. 206].

Фольклорная традиция отражает подобные представления (сопоставление, соположение дерева и человека) в рамках психологического параллелизма и сравнительных конструкций. Например, в рекрутских причитаниях: *«И молодешенек, наш свет, да как травиночка, и зелена стоит быв он да деревиночка, и не доросла, как кудрявая рябинушка»* [6, т.2, с. 63]. Следование этой традиции отмечаем и у Клюева в контекстах стилизации: *«Деревца вилавого С маху не срубить – Парня разудалого Силой не любить»* [10, с. 104]; *«Недозрелую калинушку Не ломают и не рвут, – Недорощена детинушку Во солдаты не берут»* [10, с. 171]; *«Ах, девки, – калина с малиной, Хороши вы за прялкой с лучиной...»* [12, с. 305]; *«Ах ты дитячко, свет Миколушка, Как дубравный дуб – Ты матер-станлив, Поглядеть кому – сердцу завистно, Да осилит дуб душегуб-топор, Моготу твою – штоф зеленого!»* [10, с. 217]; *Заручился кто от любви Скатым клятвенным кольцом: Волос – зарь, малина – губы, В цвет черемухи лицом?..* [12, с. 25].

Одним из ведущих мотивов, связанных с формированием образов лиственных деревьев в поэзии Н. Клюева является темпоральный мотив движения жизни человека от рождения к смерти. Символически идею появления на свет поэт передает в образе зыбки ('колыбели') – березовой, липовой, ольховой или расположенной под одним из этих деревьев-оберегов: *«Под березой зыбки скрип, Ельник в маревых пеленках Кто родился иль погиб В льянюкудных сутемках?»* [10, с. 292]; *«Кто за что, а я за дво-тертье, За байку над липовой зыбкой...»* [12, с. 257]. Истинная вера и народное слово – основа идеального мироустройства и средства его постижения. С образом липовой зыбки связано и духовное рождение Спасителя крестьянского мира (Спасова поморья): *«Снова голубь Иорданский Над землю воспарил В зыбке липовой крестьянской Сын спасенья опочил»* [10, с. 305]. Оно осенено явлением Архистратига, пением Сирина, явлением духов предков, возрождением и духовным преобразованием всего сущего: *«Станет радуга лампадой, Море складнем золотым, Горн потухнувшего ада – Полею ораным мирским»* [10, с. 305].

Рождение для поэта творение и творчество, своеобразная передача поэтического дара, представленная поэтом в повторяющихся образах ольхо-

вой зыбки; пчелы, шмеля или птицы (лебедь, иволга), поэзия же – золотой липовый мед. Формируется устойчивая межтекстовая парадигма.

- (1) *Лебедь я, и шит не лыком
Не корчажным встоен суслом, –
Медом, золотом загуслым
Из ладони смугло-глубкой!
Над моей ольховой зыбкой
Эта мреяла ладонь
И фатой сестрица-сонь,
Утирая сладкий ротик,
Легкозвонной пчелкой в соте
Поселилась в мой язык.* [11, с. 149]
- (2) *Не для тебя стихов весна,
Где под ольхою, в пестрой зыбке
Роятся иволги-улыбки,
И ель смолистой едкой титькой
Поит Аленушку с Микиткой... [9, с. 25]*
- (3) *Так на Вятке, в цветущих чарусах,
Пил я солнце и пихтовый зной.
Я вернулся в Москву черемисом,
Весь медовый, как липовый шмель... [12, с. 264]*
- (4) *Отец «Ответов» Андрей Денисов
И трость живая – Иван Филиппов
Суземок пили, как пчелы липы.... [12, с. 317]*
- (5) *И ненавижу и люблю
Затоны лунные – опалы,
Где муза крылья искупала,
Лебяжьи, с сыченой капелью,
С речным разливом по апрелю,
С малиновым калуцким словом
И с соловьем в кусту ольховом! [11, с. 159]*

Созвучия, стихи, и сама способность творить поэзию проникают (втекают) в избранного человека (как в сосуд) через рот, язык. Одним из ключевых слов стихотворений становится глаголы «пить», «поить». Развернутые метафорические контексты рождения истинного поэта и поэзии демонстрируют нам неповторимый клюевский стиль: «*Стать бы гроздью на рябине, Тихой пряжей при лучине, Чтобы выпрясть коноплю – Листопадное – люблю! Медом липовым в кувшине Я созвучия коплю*» [11, с. 153]; «*Воск с медынью яблонвою – Адамант в словостроении, И цвести над Русью новую Будут гречневые гении*» [12, с. 179].

Тема трагической судьбы и смерти проходит через все творчество Н. А. Клюева. Как справедливо отмечает В.П. Ершов, «образ смерти у Клюева многолик» [1, с. 133]. Нередко хвойные и лиственные деревья связаны с его воплощением. Для поэта смерть тела неизбежна, неотвратима, хотя утрата невозможна, а смерть души невозможна, недопустима. Следуя фольклорным и мифологическим традициям, Н. Клюев прибегает к устойчивым образам деревьев, свойственным похоронной обрядности. Так, например, осина поэтизируется как могильное дерево, мотив вырастания деревьев на могилах невинно убиенных отражен в стихотворении «Обидин плач»:

*Как кручинная кручинушка,
Та пугливая осинушка,
Что шумит – поет по осени
Песню жалкую свирельную,
Ронит листья – слезу желтые
На могилу безымянную».*

Поэтический текст осложнен мотивом, встречающимся в духовных стихах, апокрифических рассказах, народных песнях и связанным с этиологическими преданиями о причинах дрожания осины, трепетании ее листьев. «Осина виновата в том, что позволила мучителям Христа сделать из своей древесины крест, на котором его распяли (иногда гвозди или гроб). Богородица (либо сам Христос) прокляла осину и наказала ее вечным страхом, от которого та трясется по сей день» (6, т.3, с. 570). Библейская традиция, представляющая осину как проклятое дерево, на котором повесился Иуда, наследована и художественно осмыслена Н. А. Клюевым, она символ гибели Руси, ее природного, естественного, творческого, сакрального начала: «И песню позабыл народ, Как молодость, как цвет калины... Под скрип иудиной осины Сидит на гноище Москва...» [11, с. 231].

Символику дерева смерти несут также рябина и калина: «Но спи под рябиной и кашкой Ножовая кровь на рубашке Дитя призвожденной страны» [12, с. 273]; «И не плещутся пингвины, Мертвы гаги, рыба спит, - Это цвет моей калины – В пенном саване гранит!» [9, с. 35].

Срубание дерева или его засыхание служит метафорой смерти в приметах, поверьях, снотолкованиях (6, т.2, с.63). Подобные представления отражены и в развернутых индивидуально-авторских поэтических метафорах Николая Клюева:

*Ах, кому судьбинушка
Ворожит беду:
Горькая осинушка
Ронит лист-руду.
Польемем разубрана,
Вся красным-красна,
Может быть, подрублена
Топором она. [10, с. 206]*

Перед нами своеобразная метаморфоза. Цвет опадающих листьев, подобный крови, – сигнал беды. Но он и не столько результат естественного природного умирания листвы осенью, сколько возможное следствие смертельного ранения дерева.

В поэтической картине мира Н. Клюева дерево – связующий элемент земного мира с «верхним» и «нижним», «универсальный медиатор, посредством которого человек попадает в мир людей и покидает его, перемещаясь на небо, в потусторонний мир, на тот свет» (6, т.2, с. 61). Такая метаморфоза описана в одном из предсказаний судьбы героини «Песни о Великой Матери»:

*Черемухою белой
Пройдя земное тело,
В него войдешь душой!
Как я, вдовцом укрыта,
Ты росною раkitой
Под платом отцветешь... [9, с. 19]*

Предсказание, или «песенка судьбы», перерастает в предвидение будущего Руси: «Запомни, Параскева – Близка година гнева, В гробу Святая Русь!» [9, с. 19]. Дерево в «Песне о Великой Матери» становится хронотопом, маркирующим время и место неотвратимой смерти, известных из пророчества:

*Запомни, дитяtko, годину,
Как белоцветную калину, –
Твою невесту под окном,
Что я усну в калинов цвет
Чрез семь плакучих легких лет
Невозмутимым гробным сном! (9, с. 29)*

Деревья в поэтических текстах Н. Клюева нередко становятся символической границей между миром живых и мертвых, как, например, в следующих стихотворениях: «Продрогли липы до костей Стучатся в ставни костылями» [11, с. 168]; «Городские, предбольничные березы Захворали корью и гангреной...» [8, с. 124].

Одним из ярких воплощений темы смерти в творчестве Н. Клюева является образное описание гибели Святой Руси. Крестьянская Русь уподобляется поэтом девушке – березке или черемухе (весенней, цветущей): «Лишь только бы шелками шиты, Дремали сосны у окон, Да родина нас оведала Черемуховым крылом» [12, с. 332]. Образ черемухи связан с темой уходящей Руси, ностальгии по утраченному, родному для поэта мироустройству. Ощущение глобальной утраты в поэтических текстах Клюева нередко визуализировано в образах черемухи, дома, матери, песни (слова),

при этом поэт использует прием параллелизма, сравнительные конструкции, творя «народный» стих.

*К нам вести черные пришли,
Что больше нет родной земли,
Как нет черемух в октябре
Когда потемки на дворе
Считают сердце колуном,
Чтобы согреть продрогший дом... <...>
И больно сердцу замирать,
А в доме друг, седая мать!..
Ах, страшно песню распинать! [9, с. 26]*

Интересно, что в славянской народной традиции образ черемухи почти не представлен. Он упоминается обычно как символ чистоты, невинности (по-видимому, имеет значение символика белого цвета лепестков черемухи). В поэтическом мире Клюева черемуха – один из ключевых символов крестьянской Руси, святости. В текстах актуализируется не только внешний вид дерева, но и запах, вкус черемухи. Похожее символическое значение приписывается Клюевым яблоне. Аромат яблони, и черемухи (медоносных растений), вероятно, связан с той же эстетикой запаха в византийском церковном культе, которую уже отмечали у поэта И. Кулаков [2], Е. Шокальский [7] применительно к образам хвойных деревьев.

*О, кто поймет, услышит
Псалмов высокий лад?
А где-то росно дышит
Черемуховый сад...
Пахнуло смольным медом
С березовых лядин...
Из нас с Садко-народом
Не сгинет ни один. [10, с. 173]*

«Неземное благоухание – свидетельство присутствия самого Бога, святости того или иного места или человека» [2, с. 46; 7, с. 126]. У старообрядцев сломать даже веточку цветущей черемухи считалось смертным грехом. Не случайно невинно убиенный царевич Дмитрий уподобляется Клюевым черемуховой ветке, а Святая Русь – черемуховому, яблоневому или березовому саду. Гибель крестьянской России от «свирепého железа» цивилизации передается Клюевым через реалии растительного и животного мира. Формируется устойчивая для поэтического пространства оппозиция природа – цивилизация: «От лесоруба убегая, Березки в горностайной шубке Ломают руки на порубке, Одна, меж омертвелых пней» [11, с. 163]; «Заломила черемуха руки, К норке путает след горностай... Сын железа и каменной скуки Попирает берестяный рай» [10, с. 289]; «Бере-

зынька – краса пустынь. Она пошла к ручью с ведецем И перерублена по сердцу, В криницу обронила душу [9, с. 32]; *И от свирепого железа В метель горящих чернолесий Бегут медвежьи, рысьи веси, И град из рудых глухарей, Кряквы, стрелчатых дупелей Лесные кости кровью мочит! Кому же сивый кладь прочит, Напевом золотит копыта, Когда черемуха убита – Сестра душистая, чьи пальцы <...> Его поили зельем мая?!»* [11, с. 162]. Использование олицетворений, сравнений усиливает эмоциональное состояние тревоги, страдания, страха и паники. Парадигматическое сближение слов тематических групп «Человек» (части тела, термины родства), «Растения» (лиственные деревья), «Животные» позволяет поэту снять противоречие: биологически живое, но неодушевленное (дерево) наделяется признаками и действиями человека (одушевляется), а уничтожение перерастает в кровавое убийство. Себя поэт мыслит частью природы и собственную смерть отражает в тех же образах деревьев и животных.

Отметим высокую частотность соположения слов, называющих листовые деревья, внутри одного текста и даже небольшой поэтической фразы. Формирование образов деревьев осуществляется под влиянием мифологических, народнопоэтических и библейских традиции, которые оказываются неразрывно связанными в поэтических текстах Николая Клюева.

Литература

1. Ершов В. П. «Я полесник хвойных слов...» (Ель и сосна в творчестве Н. А. Клюева: образы смерти) // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международной конференции «Олонешские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С.133-142.

2. Кулаков И. Богослужебный текст в поэзии Н. Клюева // Православие и культура. – Киев. – 1997. – № 1. – С. 46.

3. Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. – Петрозаводск, 1997. – 315 с.

4. Николаев В. И., Солоненко В. Г. Мир природы в поэзии Н. А. Клюева // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международной конференции «Олонешские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С.143-152.

5. Поэтический словарь Николая Клюева. Выпуск 1: Частотные словоуказатели / сост. Богданова М. В., Виноградова С. Б., Головкина С. Х., Смольников С. Н., Яцкевич Л. Г. – Вологда, 2007. – 256 с.

6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – Москва, 2014.

7. Шокальский Е. «Распятыя на древе – с Тобюю, в Тебе...» Лес, дерево и крест в лирике Клюева // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международной конференции «Олонешские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С. 119-132.

Источники

8. Клюев Н.А. Песнослов. Кн. 2. Петроград: Литературно-издательский отдел народного комиссариата по просвещению, 1919.

9. Клюев Н. А. Песнь о Великой Матери // Знамя. – 1991. – № 11.
10. Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. – Ленинград: Советский писатель, 1977.
11. Клюев Н. А. Песнослов. Стихотворения и поэмы. – Петрозаводск: Карелия, 1990.
12. Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. – Москва: Художественная литература, 1991.

Л.А. Нуралиева
Вологда

СЛОВО «ВДОВА» В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА: ТРАДИЦИОННЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Несмотря на то, что уже в XIX веке исследователи языка начинают интересоваться традиционной народной культурой, лингвофольклористика как филологическая наука, связанная с изучением фольклорных текстов, появляется только в конце 20 века. Сам термин лингвофольклористика был предложен представителем Курской лингвистической школы А. Т. Хроленко в 1974 году. Внимание к лингвофольклористике объясняется во многом спецификой фольклорного текста и создаваемой им фольклорной картиной мира. Фольклорная картина мира – это трансформированный мир действительности [12]. Словарь народной лирики часто называет такие реалии, которые не встречаются даже в крестьянском быту, потому что эти реалии имеют традиционный характер и принадлежат идеальной художественной действительности [12]. Поэтому фольклорные тексты заставляют исследователя сталкиваться с множеством вопросов, одним из которых является и вопрос о семантике фольклорного слова.

В силу экономико-политических обстоятельств на территории Вологодской области долгое время сохранялось традиционное крестьянское мировоззрение. Вологодские земли стали своего рода заповедником устного народного творчества, где почти полностью сохранялась система жанров традиционного фольклора. Поэтому писатели, возвращенные Вологодской землей, впитавшие ее древнюю и своеобразную культуру, наиболее часто используют в своем творчестве фольклорные символы, фольклорные жанры и, конечно, фольклорный язык. Н. А. Клюев взволновал литературную общественность своими произведениями, практически не отличимыми от народно-поэтического искусства. Огромное влияние на становление творческой индивидуальности поэта оказала мать, Прасковья Дмитриевна, привившая сыну любовь к народному слову. Фольклорные основы творчества Н. А. Клюева исследовали многие филологи (К. М. Азадовский, В. Г. Базанов, Е. И. Маркова, Э. Б. Мэкс, Х. М. Юхименко). В меньшей мере описаны лингвистические аспекты фольклоризмов в его поэтическом языке (поэтика, ассоциативно-образные особенности имен собственных и др.) [11, 15].